

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ НА ПОРОГЕ РИМА: 1892 ГОД
(ИРЛИ. – Ф. 607. 221. Волшебная страна ITALIA: Pont du Gard; “Рим,
наконец я твой! Святой, великий Рим...”)

Публикация Н. В. Котрелева и Л. Н. Ивановой

Предлагаемые вниманию читателей и исследователей фрагменты – незавершенные замыслы писателя, эти черновики хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (С.-Петербург; ИРЛИ. – Ф. 607. – № 221).

Рукопись, их содержащая, не датирована. Вероятнее всего, она поступила в архивохранилище вместе с другими материалами Иванова в составе огромного архива и библиотеки, оставшихся после кончины Федора Сологуба (т.е. после декабря 1927 г.), переданных в Пушкинский Дом его наследниками. Со временем материалы разъединили, создав три личных фонда: Федора Сологуба (№ 289), Ал. Н. Чеботаревской (№ 189) и В. И. Иванова (№ 607).

Даты материалов этой, основной, части архива (позднее ивановский фонд пополнялся и из других источников) начинаются с 1887 г. и заканчиваются 23 августа 1920 г., т.е. наиболее поздние из них были созданы за несколько дней до отъезда семьи Ивановых на Кавказ (28 августа 1920 г.). Имущество Ивановых, прежде всего обширный архив поэта, оставалось на попечении Ал. Н. Чеботаревской, и некоторое количество рукописей вскоре оказалось в петроградской (а малое время спустя и ленинградской) квартире Сологуба–Чеботаревских, откуда они и поступили в Пушкинский Дом.¹

Занимающая нас рукопись представляет собою автограф, написанный черными чернилами на желтоватых листах бумаги двух форматов. Три из них сложены вдвое, образуя, таким образом, двойные листы бумаги: л. 1 и 7, л. 2 и 3, л. 4 и 5 (чистый). По верхнему краю двух из них (л.

1 и 7, л. 2 и 3) и по нижнему краю третьего (л. 4 и 5) отчетливо видны следы ручного разреза бумаги – эти самодельные двойные листы были изготовлены из обычных для эпохи двойных листов писчей бумаги. Они предназначались, вероятно, для создания самодельной тетради в четверку, подобной тем, в которых Иванов вел свой дневник.² Однако, в наблюдаемом случае до тетрадки дело не дошло, каждый двойной лист был использован отдельно, а потом второй и третий были вложены, друг за дружкой, а не один в другой, в первый, как в обложку, – порядок заполнения листов мы обсудим ниже. Одинарный лист 6 – неполная половина обычного для эпохи двойного листа писчей бумаги, от цельного полулиста была оторвана полоска приблизительно в одну треть общей высоты листа. Эта бумага – более высокого сорта, лощеная, более плотная. Рассматриваемый текст наносился на л. 6, когда он уже имел свой нынешний вид, поскольку текст естественно переносится с лицевой страницы на оборотную в месте отрыва нижней части листа. Попыток приспособить л. 6 к трем другим листам по формату, по-видимому, не делалось, текст на нем расположен в одну колонку по всей ширине стандартного листа; использование бумаги разного формата подчеркивает черновой характер публикуемых фрагментов.

Когда и кто создал тот порядок следования листов, который зафиксирован архивной фолиацией, – неизвестно. Проникающее отверстие, уменьшающееся по площади от л. 5 об. к л. 3 об., показывает, что некогда листы хранились в большем беспорядке, – они образовывали именно тетрадку, будучи вложенными друг в друга последовательно: 4, 4 об., 7 об., 7, 2, 2 об., 3, 3 об., 1 об., 1, 5, 5 об. В этой последовательности двойной лист 1-7 оказывается вложенным (причем он располагался вверх ногами по отношению к двум другим); однако, именно этот двойной лист сильно заношен, почти распадается по сгибу – по всей вероятности, он когда-то служил обложкой некоей тетради, почернение бумаги этой двулистки свидетельствует о том, что она долго хранилась в неровной стопе или связке бумаг. К сожалению, реконструируемая давняя последовательность черновиков представляется случайно-механической, поэтому их текст мы будем рассматривать в композиции нынешней единицы хранения. Существенно важно, что в фиксированной, тетрадной последовательности рассматриваемые листы никогда не выстраивались; скорее всего, когда работа с ними была оставлена, они были собраны со стола в случайном порядке.

Лицевая страница первого листа оформлена как обложка или титульный лист: сверху, с небольшим спуском и центральной выключкой, акцидентным контурным шрифтом было написано первоначальное название того текста, который должен был заполнить тетрадь: *ITALIA*. Выписав это слово, Иванов принял решение изменить заглавие и слева стал при-

писывать к первоначальному, тем же контурным шрифтом (но тут прописною оказалась только первая буква, остальные были строчными), эпитет: *Волшебная*; в последний, вероятно, момент, заголовок осложнился еще более и уже наискось вверх над словом “Italia”, частично поверх его первых букв, выписано слово “*страна*”, так что заголовок принял вид: *Волшебная страна ITALIA*.

Выше заглавия – две вымаранные строки.³

Несомненно, оборот “титulyного листа” первоначально был оставлен чистым, незаполненным, а текст начинался на третьей странице двойного листа, на нынешнем л. 7. Вот этот первоначальный набросок:

Издадека заведед я деь моей прогулки, и вдвойне обрадовался [это-му, видя], потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где [вдали] двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, до шести больших величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг, протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами. Являясь внезапно, эта [явств<енная>] несомн<енная> печать [и часть] Рима,⁴ неизгладимо отметившего [своим] свое присутствие в [порабощенной <доселе?>] покоренной духовно стране, вызывает волнение, подобное тому, которое испытываешь, [вдруг услышав] в минуту, когда, неожиданно, отдаленное, зияющее рыкание [вдруг выдаст] возвещает присутствие льва.⁵

[Только] [Долго пробирался я]

[Когда, наконец, [<нрзбр>] я под<слово не дописано>]

[Но только тогда, когда я вид<слово не дописано>] л. 7 || л. 7 об.

[Только добравшись на берег Гарды, я]

[Но только] Только подойдя вплоть к реке, я [увидел] мог обозреть все здание. [Все, что] Колоссальные [арки] полукр<ужия>, на которых покоился ряд малых арок, оказались поставленными [над] на новый нижний ряд [не] столь же широких, но немного менее высоких [полу]круглых сводов, опиравшихся на дно реки. Это дно с одной стороны было покрыто водою, с другой, в виде каменной отмели, выступало над [быстрыми] волнами. Каменистые откосы берегов, [кое-где покрытых зеленью] отчасти обнаженные, отчасти покрытые зеленым колючим кустарником, [поднимались] и [покрытые] опоясанные на высоте [первого] нижних сводов с обеих сторон реки белыми полосами ровных дорог, поднимались до высоты верхних аркад и вмещали в сво<е>й оправе [все здание] всю сохранившуюся часть [некогда] далеко тянувшегося некогда водопровода. [Он] Акведук Римлян стал мостом для [совр] провинциалов,⁶ и рядом с полом нижнего яруса аркад протянулось полотно нового моста, подпертого новыми сводами, прислоненными к древним. Два стада овец медленно двигались по каменистому скату, с ними шли пастухи, живописно окутанные в полосатые плащи, [и] собаки расторопно устремлялись в разные стороны и добродуш-

но [направляли?> на] гнали [<нрзбр, м. б. откло<нившихся>>] к стаду замедливших в стороне овец.
(Л. 7 – 7 об.)

Можно предположить, что небольшой фрагмент, занимающий верхнюю четверть л. 1 об., был набросан в продолжение, во всяком случае, по связи, как заготовка, с только что приведенным текстом:

λ. λ. λ

[Я вскарабкался]

λ. λ. λ.

Я [вс<карабкался>] поднялся на откос берега [и достиг] [поднялся на каменные ступени, ведущие наверх акведука], достигнув и верхней части акведука, и вступил в полутемную галерею, [расположенную] покоящуюся на третьем, верхнем ряде аркад. Эта галерея служила собственно руслом водопровода; она вмещала [же<лезные>] металличес<кие> трубы, переда<ва>вшие воду. Я двигался [<нрзбр>] то ощупью в полутьме, то в [освещенном] пространстве, освещенном отверстиями <фраза не дописана – Н. К., Л. И.>.
(Л. 1 об.)

Появление греческих букв в виде своеобразного “заголовка” мы объяснить не умеем (нельзя исключить, например, что они помечают связь с соответствующим местом на неизвестном нам листе, с которым был соотнесен текст, записанный на л. 7 и об.). Как бы то ни было, отрывок хорошо следует за приведенным ранее в сюжетной схеме: “путник издалека видит искомое – это аркада – аркада запечатлена признаками римского гения – описание акведука и окружающего пейзажа – путник поднимается по козогору, входит в пространство водовода”.

Именно эту схему мы находим четко реализованной в наброске на лл. 2-3:

Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [до шести] около десятка⁷ больших, величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг, протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами. Этот неожиданный[<нрзбр: м. б. несомненный?>] след и [<нрзбр>] несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [являсь] [внезапно представ]⁸ вызывает волнение, отчасти подобное тому, которое испытываешь, когда, неожиданно, отдаленное, зияющее рыкание возвестит присутствие льва.

Только подойдя вплоть к реке, я мог обозреть все здание. Колоссальные [полукружия] дуги, на которых покоился ряд малых арок, оказались поставленными на новый ряд столь же широких, но несколько более низких сводов, опиравшихся на дно реки. С одной стороны это дно [было] по-

крыто было водою, с другой, в виде каменной отмели, выступало над волнами. Каменистые откосы берегов, отчасти обнаженные, отчасти заросшие зеленым колючим кустарником и с обеих сторон реки опоясанные, по высоте нижних сводов, двумя белыми полосами ровных дорог, поднимались до верхних аркад и вмещали в своих краях всю сохранившуюся часть [<нрзбр> <протянутого некогда>] некогда <на? десятки? миль? протянутого?> водопровода.⁹ Акведук Римлян утратил свое значение для позднейших провинциалов, и рядом с помостом нижнего яруса протянулось полотно нового моста, подпертого новыми сводами, прислоненными к древним. Два стада овец, непрерывно звеня колокольчиками, двигались по каменистому скату; их сопровождали [пастухи] медленно шедшие пастухи в пестрых полосатых плащах и [добродушные расторопные собаки] расторопно устремлявшиеся в разные стороны для сбора стада собаки. Я поднялся по ступеням до верхних аркад и вступил в полутемную галерею, служившую желобом водопровода. Я шел не нагибаясь, но [часто] ощупью; [только] часто впрочем отверстия между раздвинутыми над головой каменными плитами давали доступ свету и <нрзбр> щель, местами прерываясь, тянулась между плитами потолка и [<нрзбр>] огромными глыбами стен.¹⁰ Едва отесанные, они часто [выступали] неправильно выст<упали>¹¹ и стесняли и без того узкий путь; скрепленные здесь, в <ограде? > <нрзбр> водопровода цементом, [<нрзбр>] они казались <нерушимой?> циклопической твердыней. Сильный ветер, врывав<шийся> в галерею, не делал ни короче, ни удобнее бесконечно [<долгий?>] <длинный?> <проход?>. Наконец я выбрался на противополож<ный> берег [и по разбросанным] [и карабкаясь по] <и> с разбросанных там и сям плит развалины бросил общий взгляд на акведук и долину. Гарда, [синяя] быстрая и металлически-синяя, [в противоположность <нрзбр> <Роне?> и большинству] как реки России, [ползла] подползала узкой змеей под крайние своды и извивалась далее в каменистой, но зеле<но>й долине, между высоких и крутых [очерченных красивыми] красиво <столпившихся?>, но в эту пору угрюмых берегов.¹² Ветер все крепчал, и <гневный?> бурный шум [<нрзбр>] его [в шелестящем], усиленный воем и шелестом колких <кустов?> [<нрзбр>] покрывали эти], покрыв<ва>вших> эти высоты и склоны, преследовал меня, когда я спешно спуска<лся> по <этой?> тропинке вниз, ища дороги. Вскоре я нашел ее и оглянулся в последний раз назад. Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [<темных?>] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело>?] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийс<ких> [церк<вах>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам. [Скоро настал вечер.] Между тем на Севере, над противоположным берегом реки, выплывала полная луна. Я шел назад по дороге, обставле<нно>й фиговыми деревьями, лишенными листвы [и обвешенными голыми шариками, остатками прошлогодних плодов]. По сторонам ивopodobные, серосеребристые, низкие оливы встречались <стадами?>, <посеянные?> <на?> <равном?> <расстоянии?> друг от друга. Чем более

сгущался <светло?> сизый цвет сумерек, пронизанный лунными лучами, тем бурней и порывистей становил<ся> мистраль, тем светлей казалась ровная, как скатерть, дорога. [Убит<ые?>] [Известковые дороги Прованса [гладки и тверды, как <нрзбр>] [как бы <нрзбр, м. б., недописано> из <пепла?>] <белы?> и гладки как <нрзбр> из <пепла?>] Я часто на повороте ошибался, думая, что это <вода?>. Контурь сглажи<ваются>, а воображенные усилива<ет> <нрзбр>. Кажется, что идут по этой дороге легионы.¹³
 <текст обрывается>– Н. К., Л. И.> (Л. 2-3)

Текст заканчивается на середине страницы, естественным образом, в силу истощенности сюжета. Начальные фразы этюда, отработанные прежде, в этом варианте учитывают принятые решения и писаны четко и почти набело, однако авторские сомнения нарастают по мере развития текста, а в конце почерк переходит в малоразборчивую мелкую скоропись. Явно, Иванов только торопливо фиксирует композицию замысла, оставляя словесную обработку на будущее. Но схема путевого очерка здесь вполне завершена: путник нашел свою цель, осмотрел памятник и уходит, его впечатления настолько живы, что фантазия готова видеть невидимое.

Зачин этого этюда мы еще раз встречаем на л. 4 (оборвавшись на третьей фразе, он был автором перечеркнут целиком):

Pont du Gard.

[Издаleка завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где вдали двумя рядами холмов означалась речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [огромные] до шести больших величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал [над ними ряд] [покоившийся на них [длинный] ряд малых арок] покоившиеся на них другие, малые арки; они [[шли] тянулись длинным рядом над] тянулись над первыми]

Его можно рассматривать как вариант, предшествующий тому, что мы встречаем на л. 7. В пользу этого предположения говорят различия в тексте, которые можно понять как последовательные шаги выработки текста:

Л. 4	Л. 7	Л. 2
[Издаleка завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути.	Издаleка завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался [этому, видя], потому что солн-це уже стояло низко и ранние	Издаleка завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солн-це уже стояло низко и ранние зимние сумер

<p><i>Первая фраза в ее конечном чтении совпадает во всех трех вариантах. Однако на л. 4 слово уже вставлено над строкой, как шаг в шрифове-ке текста; в двух других вариантах наличие этого слова и его место в предложении сомнению не подвергается.</i></p>	<p>зимние сумерки могли застигнуть меня на пути.</p> <p><i>При перебеливании возникает (как вставка над строкой) тут же отвергнутое предложение переделки фразы.</i></p>	<p>ки могли застигнуть меня на пути.</p> <p><i>Фраза переносится из предыдущей версии без колебаний.</i></p>
<p>Там, где вдали двумя рядами холмов означалась речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [огромные] [большие величавые арки] до шести больших величавых арок.</p> <p><i>Единственное изменение в этой фразе выглядит достаточно просто, ее окончание было записано первоначально: огромные большие величавые арки. Затем повторяющееся (по сути дела, как ошибка, воспроизводящая поток внутренней речи) определение было заменено на числовую конструкцию, а подлежащее и два его определения поменяли соответствующим образом падеж.</i></p>	<p>Там, где [вдали] двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, до шести больших величавых арок.</p> <p><i>Обстоятельство вдали заменяется на в стороне.</i></p>	<p>Там, где двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [до шести] около десятка больших, величавых арок.</p> <p><i>Оба изменения, внесенные в предыдущие варианты, приняты, при этом правка, установленная на л. 4 и принятая на л. 7, уточняется по содержанию, что подтверждает существенное согласие с составом и строением фразы.</i></p>
<p>Всматриваясь, глаз открывал [над ними ряд] [покойшийся на них [длинный] ряд малых</p>	<p>Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг,</p>	<p>Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг,</p>

арок] покоившиеся на них другие, малые арки; они .[[шли] тянулись длинным рядом] тянулись над первыми	протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами.	протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами.
<i>Рукопись показывает сложный и оборванный процесс выработки текста, последний слой лексического наполнения фразы весьма близок к вариантам л. 7 и 2, тогда как нижний слой от них весьма далек.</i>	<i>Единственное изменение в этой фразе, принятое и в версии л. 2: слово сквозных вставлено над строкой.</i>	<i>Фраза переносится из предыдущей версии без колебаний.</i>

Приняв указанную последовательность смены вариантов, мы признаемся, что не умеем объяснить отсутствие заглавия “Pont du Gard” в двух более поздних. Признаемся, что полной уверенности в том, что текст обрабатывался в указанном направлении – от варианта на л. 4 к варианту л. 7, а затем к варианту л. 2 – у нас нет.

Как бы то ни было, вернемся к рукописи. Несколько отступя вниз от забракованного начала очерка, Иванов стал записывать на л. 4 совсем иной вариант развития темы, в котором рассказ о непосредственных впечатлениях путешественника должен был отнестись, по всей вероятности, вглубь повествования:

Вид внезапно представшего римского здания и, в особенности, римских аркад [почти всегда] своеобразно поражает [сердце] современного путешественника. Не красота [линий] очертаний заставляет тогда сильнее биться его сердце, и не поэзия воспоминаний: но есть в этих каменных полукружиях особенный смысл и особенная окаменелая жизнь, как в далеких [заносимых песком пустыни] сфинксах пустыни. [Всюду] Самые линии так [содержательны] многозначительны в ясной [своей] простоте своей! Никогда спокойная и, следоват<ельно>, побед<оносная?> сила человеческого самоутверждения не выражалась ощутительнее, нежели в римской арке. [Лучшее выражение] [Лучшее средство арка строительный <так, несогласованно – Н. К., Л. И.>] Прочная, легко выносящая на себе бремя тысячелетий, она твердо стоит на обеих ногах и, описав половину окружности, все примиряющей в своем единстве, не хочет [окончить] кончать круговой путь свой, и только крепче [утверждается] [опирается] утверждается на своих [опорах] незыблемых [опорах] [основ<аниях?>] опорах. Ее простота [и<плод?>] [кажется на<м>] [и<естественность?>] [и<имеет?>] силу [и<природы? или произведения?>] [уверяет нас] как бы хочет уверить нас, что перед нами создание природы; но ясная разумность ее снова [возвращает ее в нашем сознании достояние] [возвращает <ей?> в наших <мыслях?> достоя-

ние] делает ее, в наших мыслях, достоянием человеческого духа. Тогда мы прозреваем на ее величие. Тогда мы вспоминаем ее творцов, [оставивших] и как смущает [сознание нашей <близости>] эта близость гения римского народа. [Эти остатки, с уверенным и величавым спокойствием поучающие [<нрзбр>] поколения о [силе] том, что те сильные были здесь и творили для нас свое великое дело, [как бы]] *<текст обрывается – Н. К., Л. И.>*

(Л.4-4 об.)

Если наше предположение о том, что зачеркнутый фрагмент из трех фраз на л. 4 представляет собою первоначальную версию начала текста, нашедшего себе дальнейшее развитие на листах 7 и 2-3, то мы должны предположить, что, попытавшись построить иной зачин (по крайней мере, в двух попытках – см. ниже), Иванов затем вернулся к было отвергнутому варианту, в котором, как мы видим по тексту на л. 2-3, тема римской арки отсутствует. Между тем отработку наброска этой темы мы видим на л. 6:

Pont du Gard.

Вид внезапно представшей римской аркады своеобразно поражает современного путешественника. Не красота очертаний заставляет тогда сильнее биться сердце, и не поэзия воспоминаний: но есть в этих каменных полукружиях особенный смысл и особенная окаменелая жизнь, как в далеких сфинксах, заносимых песками [Ливий<ской пустыни?>] пустыни. Самые линии так многозначительны в ясной простоте своей! Никогда спокойная и, следовательно, победоносная сила человеческого самоутверждения не выражалась ощутительнее, нежели в римской арке. Прочная, легко выносящая на себе бремя тысячелетий, она твердо стоит на обеих ногах и, описав половину окружности, [все сводящей к примирительному единству] все обнимающей в примирительном, гармоническом [все]единстве, не хочет кончать круговой путь свой и только крепче утверждает на своих незыблемых опорах. Ее простота и естественность как бы уверяют нас, что пред нами произвольное создание природы; но ясная ее разумность возвращает ее, в наших мыслях, достоянию человеческого духа. Тогда мы прозреваем на ее величие. Тогда мы вспоминаем ее творцов, и нас смущает эта близость гения Римского Народа. [Этими зданиями] Мы представляем себе строителей этих сводов, сильных волею и мышцами¹⁴ людей с могучими шеями и четырехугольными широкими головами; зорких людей, которых мы, несмотря на века духовных блужданий, едва ли превзошли объемом понятий; людей, которые [не творили ничего] [не боялись ни смерти и страдания] [не бледнели пред смертью и мукой] не бледнели пред смертью и мукой – все равно – своей или чужой, которые [не творили ничего кроме того] творили только то, что по прочности было рассчитано на века и поколения, которые говорили языком каждое *<фраза не дописана, нижеследующий текст отделен пробелом – Н. К., Л. И.>*

Строители этих зданий, люди [сильные волей и мышцами] с четырёхугольн<ыми> широкими головами на могучих выях, [нам кажутся как бы расою хищных зверей] были носителями уже неведомой нам, сосредоточенной силы. Они кажутся нам как бы расою могущественных хищных зверей, и нам также чуждо притязание меряться с ними в силе [духа] тела и воли, как со львом и королевским тигром. [Они могут] [Они способны [в] чрез] [Чрез отдаление веков мы еще ощущаем их <демоническое обаяние>] Чрез отдаление веков мы ощущаем то демоническое обаяние, которое испытывали, сталкиваясь с ними, варвары. [Они мог<ли?>] [И между] Они [мыслили] были так дальновидны и мыслили с такою ясностью, что мы [ед<ва>], несмотря на столетия духов<ных> блужда<ний>, [почти не] едва превосходим их [объемом] обилием и широтою понятий. (Л.6 – 6 об.)

Полагаем, что очевидно происхождение текста л. 6 из наброска на л. 4 (хотя при известном усилии можно было бы перевернуть перспективу и представить весь процесс работы над интересующими нас черновиками как скоротечные, за неудачностью, попытки переделать достаточно развитые тексты).

Теперь, познакомившись с текстом набросков в почти полном объеме (за исключением двух строк, о которых далее), можно обратиться к выяснению даты их создания. Заголовок, присутствующий в двух вариантах очерка, однозначно указывает на знаменитый памятник древнеримской архитектуры – величественные остатки акведука, в начале первого века по Р. Х. переброшенного через глубокую речную долину, недалеко от города Нима, в который и подавалась вода. Не трудно связать эти наброски со следующим сообщением Иванова в его “Автобиографическом письме к С. А. Венгеру”: “В 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиком Ницше, о котором начинали говорить. <...> В парижской Национальной библиотеке, правильно мною посещаемой, познакомился я с И. М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий римскою историей последовала и душевная дружба. Он властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться. Ни с чем не сравнимы были впечатления этой весенней поездки в Италию через долину разлившейся Роны, через Арль, Ним, Оранж с их древними развалинами, через Марсель, Ментону и Геную. После краткого предварительного пребывания в Риме мы пустились в путь дальше, на Неаполь, и объездили Сицилию, после чего надолго сели в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя

до некоторой степени римлянами” (СС II, 19). Поразительно сходно описывал свое путешествие Иванов за четверть века до того в письме-отчете к О. Гиршфельду, у которого учился и писал диссертацию в Берлинском университете: “... я решил ... предпринять столь долгожданное паломничество в Италию. Я выбрал путь через вашу provincia – имею в виду Южную Францию – и осмотрел, разумеется, бегло, Лион, Вьенн, Оранж, Ним с Pont du Gard, Арль, Марсель. В первый раз (если не считать моего давнего посещения Трира) стоял я на земле классической Древности, посреди остатков римской культуры; в первый раз видел я и благословенный Юг”.¹⁵ Публикуемые наброски представляли собою попытку положить на бумагу “впечатления этой весенней поездки в Италию”.¹⁶ Стало быть, предаваемые печати наброски следует датировать весной-осенью 1892 г., когда Иванов, жадно оглядывая Италию, от Генуи до южной оконечности Сицилии (или оглядев ее – 22 сентября / 4 октября 1892 г. Иванов, как это видно из его письма к И. М. Гревсу,¹⁷ уже больше недели, как осел в Риме, завершив многомесячное путешествие), захотел рассказать о своей встрече с “волшебной страной Италией”, начав издали, с подступов к ней, где явились глазам странника “след и несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие”.

Кому рассказать? Трудно не заметить, что повествование Иванова подразумевает внешнего адресата. Оно сильно беллетризировано, просто, может быть даже, упрощенно по содержанию и стилистике, его можно было помыслить помещенным на страницах толстого журнала, скорее даже в газете. Но и фиксацию для собственной памяти – в стилистике газетного очерка – исключить нельзя. Литературная работа раннего, “пренатального” Вяч. Иванова не только не изучена, но еще и не выявлена сколько-нибудь полно, и мы откладываем обсуждение вопроса о читательском предназначении печатаемого очерка – на будущее. Прежде всего необходимо сопоставление материала данной публикации с дневниками(?) путешествия по Италии 1892 г. (РГБ. – Ф. 109.1.8 и 9), но когда-то Российская Государственная Библиотека снова приоткроет доступ к бумагам Вяч. Иванова?! Едва они были обработаны, шестьдесят лет пролежав неразобранными, как вот уже третий раз вновь изъяты – и опять на годы! – из читательского оборота... Неоднократно один из пишущих убеждал Д. В. Иванова, единственного законного наследника и собственника этих бумаг (Вяч. Иванов не продавал и не завещал своего архива кому бы то ни было, они оказались в руках государства случайно и, полагая, удерживаются в них без законных оснований), начать процесс о возвращении отцовского архива. Печально, что Димитрий Вячеславович медлит, легче было бы работать с архивом даже в Полинезии...

Сегодняшняя наша фактическая осведомленность не позволяет вынести развернутое суждение и о замысле путевого эпизода “Pont du Gard” в его целости. Выше приведены два “последних слоя” чернового текста: связный путевой очерк (л. 2-3) и похвальное слово римской арке и римскому гению (л. 6). Приступ “издалека завидел я цель...” резко вводит читателя *in media res* и предполагает объяснение мотивации путешествия либо предпосланным этому рассказу, либо возникающим по его ходу – ничего подобного в нашем распоряжении нет. Неизвестно и то, как бы оказались связаны рассуждения о полукруглой арке с рассказом путника. Тем не менее, содержательный контур этюда предстает в совокупности этих двух набросков вполне ясным и законченным.

Нам хотелось бы подчеркнуть одну деталь, как кажется, выдающую присутствие и в этих текстах магистральной ивановской темы. Мы имеем в виду фрагмент варианта л. 2-3: “Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [<темных?>] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийс<ких> [церк<вах>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам”. Совершенная римская арка, разумеется, символизирует рах готтапа, “римский мир”, “неизгладимо” установивший “свое властное и творческое присутствие” на противоположных концах вселенной, скрепивший их в неразрывное единство.¹⁸ Но наполнены римские полукружия и светятся – золотом византийских мозаик. И более того, первоначально было сказано, т. е. думалось, о русских “церквях”, но затем, реалистического правдоподобия ради, русские “церкви” заменились византийскими “храмами”. Собственно говоря, сведения о золотых фонах православных мозаик Иванов мог получить только из книг (личный опыт созерцания их торжественного немерцающего света ему был дан несколько позже, только в отблесках южно-итальянских памятников, восходящих к византийским и норманно-византийским временам, – но, быть может и в пору работы над нашими фрагментами, если они относятся к концу лета 1892 г. или несколько более позднему времени, когда Иванов возвратился в Рим из паломничества на юг), видение мозаичного золота, византийского неба позволяет догадываться о специальном интересе молодого Иванова к церковным древностям, к православному Востоку – в его отделенности и единстве с Западом. Легко указать параллели в близких по времени текстах Иванова. “Мерно и медленно, – писал он в дневнике 1888 г., – падали важные, победные и вместе печальные аккорды <...> Бетховена <...>, полные легких отзвуков наших церковных песен. Мне чудилось наше победное шествие в [заветный] час, когда смирились несчетные враги, нас не понимавшие, и мы даем народам, стоя-

щим с серьезными лицами и полным внутреннего умиления, какой-то торжественный завет”.¹⁹ Три десятилетия спустя ивановский стих прорисовал арку, в которой один священный язык отвечает другому (и церковнославянский выступает за греческий):

“Fiat” – София рекла; Роза ответила: “есмь”.

(Rosa Sophia – Cor ardens, часть вторая)

Кажется, можно усмотреть знаменательное схождение ивановского описания Pont du Gard с другим, принадлежащим Жан-Жаку Руссо. Вот что рассказывал в своей “Исповеди” великий предшественник русского паломника: “Мне советовали посмотреть Гардский мост; я так и поступил. Позавтракав отличными фигами, я взял себе проводника до Гардского моста. Это было первое римское сооружение, которое я видел. Я ожидал увидеть памятник, достойный рук, создавших его. Но он превзошел мои ожидания, и это было единственный раз в моей жизни. Только римляне могли создать подобное. Вид этого простого и благородного сооружения поразил меня тем сильнее, что оно находится в пустыне, а уединение и тишина значительно усиливают впечатление от предметов и вызываемый ими восторг. Дело в том, что так называемый мост этот не что иное, как водопровод. Невольно задаешь себе вопрос: какая сила перенесла эти огромные камни так далеко от каменоломни и собрала столько тысяч человеческих рук в необитаемое место? Я обежал три этажа этого великолепного сооружения, почтение к нему почти лишало меня смелости попирать его ногами. Отзвук моих шагов под его необъятными сводами казался мне мощным голосом тех, кто их построил. Я терялся в этой необъятности, словно насекомое. Чувствуя себя маленьким, я в то же время ощущал нечто возвышающее душу и со вздохом говорил себе: ‘Зачем не родился я римлянином?’ Несколько часов пробыл я там в восхищенном созерцании. Я вернулся рассеянный и задумчивый”.²⁰ Помнил ли Иванов текст своего предшественника, когда записывал свои впечатления от вечерней экскурсии к римскому акведуку? Подобных сведений у нас на сегодня нет, осторожнее усмотреть в близости двух текстов палингенез, законный в гуманистической традиции: непроизвольно повторяется восторг (Руссо говорит о несравненном впечатлении от Pont du Gard, а далее в “Исповеди” говорит о более бледных встречах с руинами в тех же городах, которые посетил в 1892 г. Иванов, – Иванов, перечисляя этапы своего путешествия, называет из всех памятников только Pont du Gard); стремительное перемещение по водоводу и речному косоугору; вызывание к теням римлян и преклонение перед римским гением; мечтательное возвращение – структурные симметрии двух текстов достаточно определены для того, чтобы говорить о том, что Иванов воспроизводит *жизненный*

опыт гуманиста, и вопрос о возможной зависимости ивановского наброска от повести Руссо представляется второстепенным.

Возвратимся, однако, к нашей рукописи. На л. 3 об. текст наброска, к его концу, становится все мельче, все труднее читаемым, строчки рвутся и лезут косо вверх. А ниже, на свободном месте, горизонтально, отступя от правого поля, как положено, записано двестише:

Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим,
Тебя приветствует полночный пилигрим.

Недаром на верхней странице рукописи было начертано название – “Волшебная страна Italia”. Задуманная тетрадка должна была принять впечатления, смысл которых писавшему был ясен. И совершенно естественно, когда набрасывалась схема вводного очерка, творческое сознание было направлено на основную тему, собственно, на ее средокрестие – им владел Рим. И нужно было бросить прозу, чтобы записать сложившееся двестише. Вяч. Иванов, описывая встречу с Римом и римлянами на дальних подступах, в Провинции, уже был в Риме, на пороге Города, чувствуя себя еще только паломником (лишь на четвертый год жизни там он почувствовал себя “до некоторой степени” римлянином – *СС II, 19*).

В приведенном двестишии мы усматриваем эмбрион первого, самого знаменитого стихотворения из цикла “Римские сонеты”, написанного, когда в 1924 г. Иванов приехал “в Рим умирать”, как говорил он перед отъездом из Москвы друзьям. Вот его начальный катрен:

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним “Ave Roma”
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.²¹

С рукописью, затерявшейся безвозвратно где-то в России, эти стихи связывала не только риторика приветствия северным паломником вечно-го Города, с его неновой рифмой. “Пилигрим арок”²² помнит о своем блуждании в поисках римского акведука: “Вновь арок древних верный пилигрим”, именно без запятой после первого слова, означает, что говорящий снова стал паломником, снова, как тогда, когда в цитированном письме к О. Гиршфельду рассказывал, что “решил ... предпринять столь долгожданное паломничество <в оригинале – *Pilgerschaft*> в Италию”. И как тогда, древние арки предстали ему в “поздний час”, только уже не одного дня, а всей его жизни и целой мировой эпохи. Одна из главных черт поэтической индивидуальности Вяч. Иванова – долгое, иногда в десятилетиях вынашивание, произвольное вызревание замысла.

¹ См.: Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Русский Берлин: 1921-1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris 1983, с. 295 (Письмо Ал. Н. Чеботаревской к А.С. Яценко от 17 марта 1924 г.); Г. В. Обатнин. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб. 1994, с. 29-31; Л. Н. Иванова. К истории архива и библиотеки Вячеслава Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. (В печати).

² Вяч. Иванов. <Интеллектуальный дневник. 1888-1889 гг.>: (ОР РГБ. — Ф. 109.1.2; 4.15; 16;19) / Подгот. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана; примеч. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М. 1999, с. 41-42.

³ Здесь и далее в текстологических примечаниях текст Вяч. Иванова подается прямым начертанием, текст от публикаторов — курсивным.

К сожалению, чтение вымаранных строк более чем фрагментарно: <В?> <нрзбр> здесь светит глубоко<нежное> <небо?> || И золотится <на нем?> желтый <нрзбр, слово оборванно>. Является соблазн связать эти с трудом угадываемые слова с тем, что говорится в одном из печатаемых фрагментах об арках и византийском золоте — но текстологическое благоразумие прикидывает от искушения уклониться.

⁴ Первоначально фраза начиналась: Эта печать и часть, слова и часть были вычеркнуты после вставки в начало фразы деепричастного оборота.

⁵ Последовательно отменявшие друг друга варианты продолжения текста: Как отдаленный

затем: Как далекое зияющее рыкание льва

затем: Как [вдали] далекое зияющее рыкание льва

затем этот зачин был оставлен и фраза начиналась: Этот несомненный,

затем: Эта печать, неизгладимо наложенная Римом на местность,

затем: Эта печать [и образ] Рима, на веки [здесь] поработившего себе окружные местности, представ внезапно.

⁶ Провинциалы, в данном случае, — романизованные варвары, насельники завоеванной и колонизованной (ср. далее у Иванова: “в покоренной духовно стране” и варианты) восточной части нарбонской Галлии (именовавшейся *provincia*, без уточнений, о чем речь), доселе сохраняющие, в романской форме, для своей территории ее древнее название: Прованс.

⁷ Колебания в числе арок (ср., ниже, текст черновика с л. 4, где также фигурируют шесть арок) можно объяснить безотчетной коррекцией первоначального зрительного опыта последующим: в первый момент часть арок скрыта от путника линией высокого берега, позже, от уровня воды он видел фронтальную проекцию всего сооружения.

⁸ Первоначально фраза начиналась так: Этот след и печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [являсь] внезапно представ; *фраза стала изменяться с появлением в ее начале эпитета нежданный.*

⁹ Первоначально фраза кончалась: сохранившуюся часть далеко <протянутого?> некогда водопровода.

затем: некогда <на? десятки? миль? протянутого?> водопровода.

¹⁰ Первоначально читалось: часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врвался воздух и свет <дня?> и, лишь изредка прерываясь, тя-

нулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами длинная[, но недостаточно широкая для] щель

затем: часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врвался воздух и свет <дня?> и [прерываясь время от времени] местами прерываясь, длинная [<нрзбр>] высокорасполож<енная> щель тянулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами

¹¹ В нижнем слое текста начало фразы было причастным оборотом предыдущей: ...стенами, едва отесанными, [часто выступавшими] [часто стеснявшими] выс<тупавшими>

¹² Первоначально читалось: между крутых берегов, с очертаниями гор, красивых, но в эту пору довольно угрю<мых>

затем: между высоких и крутых, но угрюмых берегов, с очертаниями гор,

¹³ Хочется отметить очевидную связь этого пейзажа со многими ивановскими стихотворениями, вошедшими в первую книгу поэта, “Кормчие звезды”. Мы имеем в виду световые и колористические элементы – лунный свет и закатное золото, цветовые доминанты сизого и серебра/серебра в различных сочетаниях, частое присутствие пепла в ивановской палитре. Многократно повторяются в лирике Иванова такие пейзажные темы, как светлая дорога (или река), восход луны над бровкой берега/линией скал или гор; специфичны, как лирическая ситуация, для Иванова (и не только в первой книге) хронотоп заката и сочетание шума (воды, ветра) с лунным светом; если наше предположительное чтение <вода> (за которую путник принимает пепельно-светлую дорогу) верно, то перед нами ранний пример важной для ивановского пейзажа метаморфозы/уподобления земли/воды именно в топосе пути. Многочисленные примеры читатель без труда подберет в “книге лирики”, мы же ограничимся несколькими картинами:

В стихотворении “Eritis sicut dei”, помимо прочего, о чем идет речь, следует отметить закатные огни сквозящие в просветах между древними колоннами (вспомним, что просвечивающий золотом лес – одна из самых распространенных тем живописи модерна):

...Тропой обрывистой наверх Голгофы новой
Я шел. Закат угас, багряный и суровый,
И мглою пепельной, как прахом урн, замел
Нагую крутизну и безотрадный дол...
Усталый, я достиг вершины каменистой —
И видел древний храм. Зари венец огнистый
Далеко обнимал вечерний небосклон
За лесом сумрачным рассеянных колонн.

В стихотворении “На крыльях зари” мы находим, помимо прочего, о чем идет речь, пробуждаемую лунным колдовством зрячую мечту, которой открывается древность края:

В час, когда к браздам Титана, вслед колесам золотым,
Дол, курильница тумана, благодарный стелет дым
И, покорствуя, приемлет синей ночи тихий дар,
А с востока даль объемлет серебропламенный пожар —
И, царя, луна восходит в блеске дивном из-за гор
И в ущелия низводит чародейственный дозор,

И в очах вскипают слезы, и, проснувшись с луной,
Реют видящие грезы над почившею страной, —

Наконец, парной реализацией некоего инварианта к пейзажу Моста-на-Гарде, в которой являются и арки, и сами римляне (ср. “легионы” в комментируемом фрагменте или “близость гения римского народа” на л. 4, или “людей с могучими шеями и четырехугольными широкими головами” на л. 6) предстает стихотворение “Колизей”:

Как тяжкий гулок свод, и мрак угрюм и густ!..
Вхожу: луна сребрит истлевшие громады.
Как впадины очей потухнувших, аркады
Глядят окрест. Все спит. Простор арены пуст..
И мнится: древний род Неронов и Локуст
Наполнил чуткий мрак... Теснятся мириады.
Незримо — зоркие, на мне лежат их взгляды.
Беззвучный слышен плеск, и клик безгласных уст...

Несомненно, что в печатаемых черновиках мы встречаемся с ранней попыткой описать один из важнейших сенсорных, эмоциональных и предметно-содержательных топосов экзистенции и литературного творчества Вяч. Иванова.

¹⁴ Отметим (хотя в нашу задачу не входит содержательное комментирование публикуемых текстов) очевидный библеизм словосочетания “сильных волею и мышцами”. В самом деле, ср.: “и вывел нас Господь из Египта [Сам крепостию Своею великою и] рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знамениями и чудесами” (Втор. 26 8; то же мы видим и в других местах: Втор. 9 26; Втор. 26 8; 3 Цар. 8 42; Пс. 88 14; Ис. 30 30; Иер. 32 21; 3 Езд. 15 11, ср. так же Ис. 48 14: “Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном и явит мышцу Его над Халдеями”; простоты набора ради приводим цитаты по русской Библии, в нашем случае этого вполне достаточно). Для сознания и языковой стратегии Иванова знаменательно обращение к церковно-славянскому, как только он переходит от бытовой зарисовки к умозрению, ср. в конце фрагмента л. 4-4 об. архаичное управление “мы *прозреваем* на ее величие” или греко-византийскую/церковно-славянскую субстантивацию “остатки, с уверенным и величавым спокойствием поучающие поколения о том, что те *сильные* были здесь и творили для нас свое великое дело” (курсив в этих цитатах наш – Н. К., Л. И.). Ориентация раннего Иванова на классицистские и еще более архаичные культурные ценности является несомненным свидетельством его рано осознанной и целенаправленно культивируемой укорененности в *гуманистической* традиции (ср. далее в тексте наше замечание о вольном или невольном сближении ивановского описания римского акведука с его описанием у Ж.-Ж. Руссо).

¹⁵ М. Wachtel. Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe*. Vol. XXXV (1994), с. 368. – Письмо от 30 декабря 1892 г., подлинник – по-немецки, публикация М. Вахтеля; “провинцию” Иванов называет “вашей” в виду того, что О. Гиршфельд, как историк, много занимался древностями Прованса и Южной Франции в целом. – Напоминанием о приведенном письме Иванова мы обязаны любезности М. Вахтеля.

¹⁶ Разумеется, Иванов имел возможность не раз посетить “Мост-на-Гарде” и позже (о чем никаких сведений у нас, впрочем, нет), однако несомненно, что публикуемые рукописи отражают именно первое путешествие через Прованс. Об этом говорит и специфическая ин-

тонация неопита, столь не свойственная зрелому Иванову, и стилистическая простота рассказа (следует заметить, что автор при отделке текста, как правило, идет от простого к сложному, что раскрывает выбранную Ивановым стратегию стилистического развития).

¹⁷ Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726.2.127.

¹⁸ Знаменательна замена первоначально возникавшего брутального “порабощенной духовно стране” на положительное “покоренной духовно стране” (л. 1).

¹⁹ Вяч. Иванов. <Интеллектуальный дневник. 1888-1889 гг.>, цит., с. 13, ср. там же примеч., с. 46, связывающее приведенную запись со стихотворением “Missa solemnis, Бетховена” и другими дневниковыми заметками.

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в трех томах. М. 1961. Т. III, с. 227.

²¹ Цикл, состоящий из девяти сонетов, вскоре стал достоянием друзей в России. Надежда Григорьевна Чулкова вспоминала: “В. И. уехал в Рим 27 авг. 1924 г., а стихи его о встрече с Римом <...> помечены: ‘Рим, осень 1924’”. В 1924 году он прислал нам свои новые стихи. Вот его сонет о встрече его с Римом” и т. д. (Н. Г. Чулкова. Моя жизнь с Г. И. Чулковым и встречи с замечательными людьми: Вячеслав Иванов (ИРЛИ. - Р. I, оп. 35, № 192, л. 210-216). В публикации этих воспоминаний Л. Ильюниной стихотворные тексты не приводятся - см.: Вестник РХД 157 (1989), с. 125-149. Помимо текстов, воспроизведенных в воспоминаниях Н. Г. Чулковой, в Пушкинском Доме “Римские сонеты” хранятся в виде еще двух машинописных копий, также, очевидно, полученных из Рима – в Ленинграде и Баку. Обе эти копии, озаглавленные “Ave Roma”, поступили в Рукописный отдел тогда, когда основная часть фонда Вяч. Иванова была разобрана и описана, то есть – после 1938 г. Одна из них, недатированная, – от Б. В. Шапошникова, в 1948 г. (Ф. 607, № 356). Другая, с датой “1927 г.”, – в составе части архива Е. А. Миллиор, в 1997 г. (Ф. 607, № 374). О распространении “Римских сонетов” в рукописных копиях на родине поэта см.: Н. Котрелев. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала “Беседа” // *Europa Orientalis* XIV, 2 (1995), с. 203-204. - Среди архивных материалов Вяч. Иванова, поступивших от сотрудника Литературного музея Пушкинского Дома Б. В. Шапошникова – белой автограф стихотворения “Поэзия” (“Родная речь певцу земля родная...”; дата: 10 февраля 1927 г.) на бланке Collegio Vogameo, с надписью: “Памятные свидания с дорогим Борисом Валериановичем Шапошниковым в Павии 15 мая 1927, от любящего его автора” (ИРЛИ. Ф. 607. - № 358. - Л. 1). В библиотеке Иванова в РАИ сохранилась книга Б. В. Шапошникова “Эстетика числа и циркуля: Неоклассицизм в современной живописи” М.: ГАХН, 1926 с дарственной надписью, также запечатлевшей дату “свидания”: “Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу Иванову в знак искреннего преклонения. Павия 15 V 27 автор”.

²² Кажется, это словосочетание чуждо русскому языковому узусу, но сквозь него просвечивает обиходная номинация в латинской церкви – Иоанн Креста, Тереза Младенца Иисуса и т. п. Сложную интерференцию образов можно усмотреть и в выражении “Приветственную, как свод родного дома”; “свод дома” по-русски заставляет думать о “гробовом своде”, свод – прежде всего, замкнутая округлость, а домашний кров, родной порог, родные стены – плоски, ортогональны. Но если признать в “доме” звук, означающий в римском мире именно “Собор”, главный Храм, то поэтическая вольность становится осмысленной и оправданной.